

вызначэнне тыповых рыс, што на пэўным этапе гістарычнага развіцця валодалі адзнакамі ўстойлівасці і камунікатыўнай мэтазгоднасці – гэта значыць, выступалі б у якасці паказчыкаў нарматыўнасці літаратурнай формы беларускай мовы старажытнага перыяду. Нарматыўнасць лексікі з пазіцыяй унутрымоўнага структурнага падыходу можа разглядацца як забеспячэнне надзейнасці функцыянавання лексічных адзінак мовы і іх форма- і словазмянення з арыентацыяй на іх правільнасць і абавязковасць у процівагу дыялектам [3, с. 21]. Вызначэнне ролі беларускага летапісання з развітай сістэмай тэкстаў рознай жанравай і стылявой прыналежнасцю ў працэсе станаўлення літаратурнай формы беларускай мовы старажытнага перыяду захоўвае высокую ступень актуальнасці ў сучасным мовазнаўстве.

ЛІТАРАТУРА

1. Мароз, В. К. Беларуская літаратурная мова старажытнага перыяду ў летапісных помніках пісьменства / В. К. Мароз // Беларуская лінгвістыка / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. – Мінск, 2012. – Вып. 68. – С. 31–35.
2. Вялікае Княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : у 2 т. / Беларус. навуц.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы, Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005–2006. – Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – 2006. – 792 с.
3. Гапоненка, І. А. Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX–пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця / І. А. Гапоненка. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2012. – 307 с.

УДК 81'42

И.С. Балабанович, преп. (БГТУ, г. Минск)

МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЛИРИКЕ Д. САМОЙЛОВА

Д. Самойлова можно отнести к поэтам, стремящимся к интеграции своего творчества в контекст русской литературы путем конструктивного включения интертекстуальных (в том числе метатекстуальных) элементов в лирический текст, продуктивного бесконфликтного «диалога» текста с совокупностью претекстов. Автор не только признает существенным влияние литературной традиции, но и находит в ней опору. Для Д. Самойлова характерно глубокое видение литературных взаимосвязей, аналитическое их осмысление (не будем забывать, что до Великой Отечественной войны студент Давид Кауфман, избравший фамилию Самойлов в качестве псевдонима, занимался в ИФЛИ), в его произведениях значимую роль играет языковая,

речевая, художественная рефлексия и саморефлексия. Именно метатекстуальные элементы эксплицируют рефлексивность текста.

«Текст о тексте» может представлять собой комментарий, разъяснение, может содержать прямую или косвенную оценку претекста, комплекса претекстов. Например, в стихотворении «Из детства» Д. Самойлов утверждает ценность искусства, передавая реакцию ребенка на пушкинский текст, введенный через точную неатрибутированную цитату в инициальной позиции: «Как ныне сбирается вещий Олег...». Пушкина больному ангиной ребенку читает вслух отец, и классика русской литературы оказывается ассоциативно связанной с теплом родного дома в зимнюю стужу, родительской заботой, свежестью восприятия мира, свойственной детям. Ребенок – лирический герой эмоционально реагирует на стихи: «Я слушаю песню и плачу, / Рыданье в подушке душу, / И слезы постыдные прячу, / И дальше и дальше прошу». Стихотворение метатекстуально: для ребенка ситуация чтения Пушкина не членится на компоненты, она целостна, то есть текст важен ровно настолько же, насколько родительское внимание, тепло, уют. Это косвенно говорит о «высоком качестве» претекста, способного вызвать столь бурный отклик, становящегося для взрослого лирического героя репрезентантом трогательных воспоминаний о детстве. Как детство – фундамент в формировании личности человека, задающий его мировосприятие и ценностные ориентиры, так и пушкинские произведения – фундамент русской литературной традиции, задающий координаты концептуализации мира с помощью художественного слова.

Через связь с творчеством Пушкина Самойлов определяет также свое «поэтическое поколение». В стихотворении «Старик Державин» автор обращается к пушкинским строкам «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил», противопоставляя свое поэтическое «мы» (молодые поэты, ушедшие со студенческой скамьи на фронта Великой Отечественной войны) поэтическому «мы» Пушкина. Самойлов пишет: «Рукоположения в поэты / Мы не знали. / И старик Державин / Нас не заметил, не благословил». Все стихотворение представляет собой метаописание творчества поэтов-фронтовиков, которые не ждали передачи им лиры, благословения – в жестоких условиях военного времени они сами присвоили себе звание поэтов, их главной ценностью было исполнение гражданского долга – защита Родины, но это не сделало их творчество хуже, малозначимей, отчего поэты-фронтовики у Самойлова становятся в один ряд с поэтами пушкинской плеяды. Новое время порождает новые пути передачи литературной традиции, лишённые ритуализации. При этом Самойлов не

умаляет ценности традиции в целом и поэзии Державина в частности, он согласен с Пушкиным в высокой оценке Державина как личности и его текстов как произведений искусства.

Комплексно характеризуется с сопутствующей оценкой и творчество поэта более близкого хронологически поколению Самойлова – Анны Ахматовой – в стихотворении «Смерть поэта». Само название интертекстуально и отсылает к лермонтовскому тексту, посвященному Пушкину. Таким образом Ахматова ставится в один ряд с «солнцем русской поэзии». Однако не только принадлежность к поэтам роднит Ахматову с Пушкиным, читатель ждет обличения тех, кто прямо и косвенно виновен в смерти поэтессы. Так возникает имплицитное противопоставление «она и они», направляющее в нужное русло интерпретацию взятого из стихотворения Державина эпитафия: «Что ж ты заводишь / Песню военную, / Флейте подобно, / Милый снегирь». Эпитафия задает фокус ключевой для самойловского текста метафоры: Ахматова – «Царскосельский снегирь». Творчество Ахматовой характеризуется как «песнь военная», то есть протестная, противоречащая идеологии тогдашнего советского режима. Сближение поэтессы с Пушкиным происходит благодаря биографической детали (Анна училась в Царском Селе, как и Пушкин), однако их родство более глубокое, идейно-ценностное, Ахматова следует литературной традиции в целом и принципам вольнолюбивой поэзии, воплощающей идеи народности, в частности. Самойлов выходит на метапоэтический уровень обобщения, утверждая ценность поэзии в ее честности, народности, политической неангажированности.

Еще один тип метатекстуальных отношений – развертывание во вторичном тексте авторской интерпретации образов героев претекста. На этом построено стихотворение Самойлова «Оправдание Гамлета». Вынесенный в заглавие поэтический оним четко отсылает к пьесе Шекспира «Гамлет, принц датский». Лирический герой с помощью неопределенно-личной конструкции в функции главной части сложноподчиненного предложения обозначает «классическую» оценку Гамлета как нерешительного героя, отграничивая тем самым свою точку зрения от взглядов неопределенного безликого большинства: «Врут про Гамлета, / Что он не решителен». Через характеристику шекспировского персонажа Самойлов утверждает ценность дальновидности, рассудительности, которыми нужно руководствоваться в ходе принятия решений: «Он [Гамлет] решителен, груб и умен. / Но когда клинок занесен, / Гамлет медлит быть разрушителем / И глядит в перископ времен». Однако при дальнейшем развертывании самойловского лирического сюжета обнаруживается конфликт ценно-

стей: рассудительность вступает в конфронтацию с решительностью – хладнокровной реализацией долга защиты добра как высшего предназначения личности. Поэтому в конце стихотворения возникает прямой императив, лирический герой Самойлова начинает непосредственный диалог с шекспировским персонажем: «Бей же, Гамлет! / Бей без промашки! / Не жалея загнивших кровей! // Доверяй своему удару, / Даже / Если / Себя / Убьешь!» Таким образом, Самойлов вступает в конфликт с Шекспиром, отрицая саму возможность трагедии как столкновения неразрешимых противоречий, ведь все зависит от решения конкретной личности, которая в силах сделать выбор между добром и злом.

Характерна для Самойлова и метаречевая рефлексия. Так, в стихотворении «Слово» лирический герой утверждает ценность «простых слов», осуждая излишнюю стилистическую вычурность в поэзии. По сути, он пишет о приближении языка поэзии к разговорной речи, в XX веке поднимая, казалось бы, давно разрешенную проблему взаимодействия собственно русской и славянской лексики в текстах различных «штилей». Примеры автор приводит соответствующие: ясно, что он отдает предпочтение стилистически нейтральному полногласию перед стилистически маркированным неполногласием: «И ветер необыкновенней, / Когда он ветер, а не ветр». Кстати, обратим внимание на пародийное стихотворение «Надо себя сжечь», в котором в шуточной форме утверждается примерно та же идея близости к разговорной речи в развертке соответствия выбора речевых средств реалиям, подвергающимся осмыслению в поэтическом тексте: «Трудна задача у творца: / На столько строк ни грамма мата. / Ей богу, очень трудновато / Одним глаголом жечь сердца» (здесь в одном контексте оказываются намеренно объединены неатрибутированная немаркированная цитата из пушкинского «Пророка» и речевая ошибка «очень трудновато»).

Таким образом, лирический герой Самойлова, как и сам автор, – личность рефлекслирующая и оценивающая. Объектом рефлексии могут выступать единицы различных уровней: от отдельного слова или отдельной стихотворной строки автора-предшественника до всего творчества поэта в целом, творчества литературного поколения, языка поэзии, языка вообще.